

Ночная Флорида сияла мириадами огней. Хань Цзин вел свой старый автомобиль по шоссе, тянувшемуся вдоль трехсотмильной береговой линии. Морис уже сменил строгий военный мундир на простой серый домашний костюм; шелковистые золотые волосы рассылались по плечам. Подперев подбородок правой рукой, он задумчиво смотрел на экран своего портативного терминала.

Окна были плотно закрыты, но в салоне все еще витал едва уловимый солоноватый запах моря. Этот спертый воздух заставлял Мориса слегка хмуриться — разговаривать не хотелось.

Заметив его молчаливое неудовольствие, Хань Цзин плавно сбросил скорость. Он достал два свежих лимона, которые припас заранее, и протянул их Морису.

— Разрежь их пополам, Морис, — непринужденно попросил Хань Цзин, не отрывая взгляда от дороги.

Морис молча взял фрукты и спокойно заметил:

— Я редко ем кислое или сладкое.

«Хотя этот аромат... Он вовсе не такой неприятный, как мне казалось»

— Да я и не предлагаю их есть, — улыбнулся Хань Цзин. — Это чтобы освежить воздух. Я читал, что свежие лимоны отлично поглощают посторонние запахи. И главное — никакой химии, все натуральное.

Морис опустил лимон и внезапно почувствовал легкую неловкость. Его ответ прозвучал вполне обыденно, но в воздухе повисло странное, не поддающееся объяснению напряжение. Опустив глаза, он достал из бардачка нож и разрезал плод на две части. На пальцы брызнул теплый сок, и в груди шевельнулось смутное беспокойство.

— Забыл про салфетки? В следующий раз я сам все сделаю, — Хань Цзин перестроился в медленный ряд, вытащил из бардачка влажную салфетку и, мягко сжав ладонь Мориса, вложил ее ему в руку.

Почувствовав тепло чужих пальцев и знакомую нежность, Морис неосознанно сжал руку Хань Цзина в ответ, но тут же вздрогнул и поспешно отстранился. Он уставился в окно с напускным безразличием, но в его ясных лазурных глазах больше не было прежней ледяной уверенности.

В последнее время наедине с Хань Цзином его мысли путались, а чувства выходили из-под контроля. Особенно сегодня. Возможно, виной тому было желание, которое он подавлял последние два дня, но обрести привычное хладнокровие никак не удавалось. Морису претило это ощущение уходящего из-под ног контроля — оно рождало в душе глухую, тревожную растерянность.

— Ну как? — спросил Хань Цзин, выкладывая половинки лимона перед Морисом. Его взгляд скользнул по экрану терминала, на котором не была включена защита от посторонних глаз.

Свежий аромат лимона быстро наполнил салон, и сдавливавшая грудь духота наконец отступила. Морис расслабился. Забота Хань Цзина отозвалась внутри мягким, привычным теплом, согревая даже кончики пальцев, которыми он вытирал сок.

Убедившись, что Морис больше не хмурится, Хань Цзин плавно увеличил скорость и перестроился обратно в скоростной ряд.

— Составляешь график медосмотра?

— Да, для передового отряда, — отозвался Морис, листая вкладки на голографическом дисплее. На экране высветилось личное дело Хань Цзина. — Ты подал заявку на участие в миссии SG-I в качестве добровольца?

— Ну да... — Хань Цзин вспомнил целый месяц изнурительных тренировок, бесконечные часы освоения различных типов вооружения и свои итоговые показатели. Смущенно усмехнувшись, он признался: — Результаты совсем плачевные, да? Но я буду стараться, Морис!

— Действительно плачевные, — Морис подпер щеку рукой, изучая показатели Хань Цзина. Уголки его губ едва заметно дрогнули в улыбке. — Твой лучший результат в стрельбе из светового оружия P. R. L 612 — всего пять очков. Это значит, что на дистанции в двадцать пять метров вероятность промаха при смертельном выстреле составляет шестьдесят процентов.

— Я вообще впервые держал в руках оружие и тренировался всего месяц! Бригадный генерал Чэнь Юй сказал, что для новичка у меня потрясающий талант! — без зазрения совести прихвастнул Хань Цзин.

— Вот только твое зрение без очков — ноль два, — безжалостно парировал Морис.

— И что с того? В наш век развитой медицины разве это проблема? К тому же, кто сказал, что парень в очках не может стать первоклассным стрелком? — упрямо возразил Хань Цзин. — Слушай, Морис, а если я сделаю лазерную коррекцию и сниму эти старомодные очки? Что скажешь?

Он шутливо подмигнул. Машина неслась мимо залитого огнями Золотого берега, и Хань Цзину приходилось внимательно следить за оживленным движением, поэтому он не заметил, как при его словах неуловимо изменилось лицо спутника.

— У меня есть шансы, Морис? — продолжил Хань Цзин. — Вообще, я считаю, что для ученых и военных должны быть разные критерии отбора. Нам нужна своя, более гибкая система оценки.

— Об этом можешь не переживать. Среди научных сотрудников твои показатели выглядят очень достойно, — Морис взял себя в руки и углубился в изучение личного дела Хань Цзина. Графики его успеваемости неуклонно ползли вверх, и эта динамика отозвалась в груди Мориса странным трепетом. Он знал, что Хань Цзин усердно занимался весь этот месяц, чтобы получить разрешение пройти с ним через Звёздные врата. Но он не ожидал, что тот приложит столько усилий.

В этом ведь не было никакой необходимости. Морис прекрасно понимал, что его собственное тело теперь физически не может существовать без этого человека. Когда начнется полноценная экспедиция, он в любом случае включил бы Хань Цзина в список личным приказом, в обход любых правил. И все же тот упорно пробивался сам...

Эти мысли взволновали Мориса, и он замолчал, уставившись на светящийся экран терминала.

— Скоро приедем. Ты устал? — спросил Хань Цзин. Морис внезапно затих, и в полумраке его точеное, слегка осунувшееся лицо показалось бледным. Хань Цзин невольно вспомнил, как тяжело Морису далось последнее открытие Звёздных врат.

— Немного... — Морис отвернулся к окну, разглядывая рассыпавшееся на горизонте море огней. Напряжение постепенно уходило, уступая место глубокой, вязкой усталости.

«В последнее время... я слишком часто чувствую себя измотанным»

Морис нахмурился и, заглянув в календарь медосмотров на экране, перенес свое обследование на следующий понедельник.

Стрелка спидометра держалась на отметке в сто восемьдесят километров в час. Точно рассчитав время, Хань Цзин прибыл в аэропорт Вальпараисо за сорок минут до вылета.

Они успели на последний рейс до Юрики. Хань Цзин все еще был полон энергии, а вот Морис, уставший после двух дней непрерывных глобальных совещаний, окончательно выбился из сил.

— Еще минут двадцать, и будем на месте. Горный павильон Юньцин находится прямо у подножия, — негромко сказал Хань Цзин.

В двадцать четвертом веке, когда человечество укротило мезонейтрино, доказало теорию Люкс и внедрило эти технологии в повседневную жизнь, концепция «глобальной деревни» стала реальностью. Перелет через океан, занимавший когда-то половину суток, теперь требовал от силы сорок минут. Юрика, расположенная в Скалистых горах, была молодым, но уже знаменитым курортом, привлекавшим гостей своими живописными склонами и термальными источниками.

Хань Цзин взглянул на часы и вдруг почувствовал, как его правое плечо потяжелело. Морис,

потеряв былую строгую выправку, тихо прислонился к нему. Его глаза на мгновение закрылись, но он тут же встрепенулся и попытался отодвинуться.

— Не надо, — Хань Цзин перехватил его руку и мягко удержал. — Тебе самому не надоело постоянно держать маску? Просто расслабься. Мне нравится, когда ты рядом.

Морис замер. Опустив ресницы, он со своей обычной ледяной отстраненностью посмотрел в иллюминатор на удаляющиеся огни Флориды, похожие на рассыпанную по земле звездную пыль. Самолет плавно набирал высоту, унося их в ночное небо.

У подножия гор в Юрике царила прохлада. В тишине ущелья яркими искрами светились многочисленные отели, выстроенные в самых разных стилях, но один из них выделялся особо — изящный комплекс в традиционном восточном стиле. Свежий ночной ветер покачивал ряды алых бумажных фонариков. Их мягкий теплый свет падал на деревянные террасы, изящные беседки и галереи. Это и был горный павильон Юньцин, где Хань Цзин забронировал номер.

Морис слышал об этом месте, но, будучи европейцем, никогда здесь не останавливался.

Их апартаменты назывались «Павильон Агарвуда». Название полностью себя оправдывало: тихий уединенный дворик украшали цветущие сливы, над изогнутым карнизом крыши висел серебряный диск луны, а в воздухе плыл тонкий, едва уловимый аромат мейхуа.

Оперевшись о косяк двери, ведущей во внутренний дворик, Морис разглядывал резные беседки и переходы, чувствуя себя так, словно перенесся на полотно древнего китайского мастера.

— Тебе нравится? — Хань Цзин тихо подошел сзади, обнял его за талию и коснулся губами чувствительной кожи за ухом.

Несмотря на то что их ночи давно превратились в череду безумных ласк, Морис в моменты полной ясности ума все еще испытывал неловкость. Он напрягся, не в силах признать собственную слабость. Почувствовав, как чужие пальцы уверенно расстегивают пуговицы на его рубашке, Морис вспыхнул от жгучей смеси стыда и гнева. Он резко перехватил руку Хань Цзина, пытаясь отстраниться, но тот лишь крепче привлек его к себе, окутывая знакомым, успокаивающим теплом.

— Я так скучал по тебе, Морис... — прошептал Хань Цзин.

Он покрывал поцелуями тело, с которым не соприкасался два долгих дня. От одного лишь прикосновения к этой горячей коже разум затуманивался — хотелось немедленно сорвать мешающую одежду и полностью овладеть им. Хань Цзин сам поражался этим переменам. До встречи с Морисом он вел исключительно размеренную, почти аскетичную жизнь; Роджер и вовсе в шутку сравнивал его с монахом-отшельником. Но стоило ему однажды коснуться Мориса, как внутри вспыхнул пожар, который невозможно было потушить. Словно масло, выплеснутое в бушующий огонь, эта страсть открыла в нем грани, о существовании которых он

даже не подозревал. Каждая их близость приносила новые, невероятно острые ощущения, будто их тела были созданы друг для друга высшими силами.

Сдерживая рвущееся наружу нетерпение, Хань Цзин действовал не торопясь. Его ладони ласкали разгоряченное тело Мориса, бережно скользя по ткани одежды и заставляя чувствительную кожу отзываться дрожью.

— Мы ведь приехали отдыхать, Морис... Забудь хоть на время про свои армейские привычки, ладно?

— Я хочу, чтобы эта ночь запомнилась нам надолго. Это ведь наш первый День влюбленных...

Хань Цзин не торопил события, продолжая мучить его легкими прикосновениями сквозь одежду, но тело Мориса натягивалось как струна, а кожа становилась невыносимо горячей. Он отчаянно желал, чтобы эта всепоглощающая страсть сожгла остатки его разума, но сознание оставалось пугающе ясным. После недолгого противоборства Морис резко перехватил руку Хань Цзина, которая причиняла ему сладкую муку, и, не оборачиваясь, хрипло выдохнул:

— Позволь мне... сначала принять душ.

— В древности на Востоке всегда предпочитали ванну, — Хань Цзин принялся медленно раздевать его, целуя покрасневшую от возбуждения спину. — Но мы устроим себе нечто большее. Горячий источник, лепестки мейхуа... Настоящие водные забавы.

— Хань Цзин!.. — возмущенно выдохнул Морис, внезапно осознав, что этот паршивец специально выбрал именно этот отель с конкретной, тщательно спланированной целью. Однако закончить гневную тираду он не успел — из горла вырвался приглушенный стон. Ноги предательски подкосились, и ему пришлось до крови прикусить губу, чтобы сдержать рвущийся наружу звук.

Ощувив сквозь ткань брюк невыносимый жар и влагу, Хань Цзин без труда понял, насколько сильным было сдерживаемое возбуждение генерала. Настоящая выдержка... Сам Хань Цзин на его месте давно бы потерял голову.

Разумеется, Хань Цзин не собирался отступать из-за мимолетной вспышки гордости своего любовника. Придерживая дрожащего Мориса за талию, он скользнул ладонью вниз и плавно потянул замок на его брюках.

Морис весь подобрался. Под умелыми прикосновениями скрытый до этого огонь грозил вырваться наружу сокрушительным взрывом, но без должной подготовки он не мог получить облегчение. На лбу выступили крупные капли пота. Морис бессильно откинулся на плечо Хань Цзина, тихо покачивая головой от сводящего с ума вожделения. Его непомерная гордость не позволяла признать, насколько сильно он нуждается в разрядке.

Не подозревая о его метаниях, Хань Цзин решил продлить ласки. Стоило ему чуть крепче сжать пальцы, как Морис судорожно вздохнул и с силой вцепился в его запястье, словно пытаясь раздробить кости.

Хань Цзин опешил. Кожа Мориса пылала, а в холодном ночном воздухе его обнаженное тело отливало благородным жемчужным блеском. Почувствовав укол нежности и жалости, Хань Цзин крепко обхватил все еще слабо сопротивляющегося мужчину, поднял на руки и увлек за собой в парную воду открытого источника.

Небольшой бассейн идеально подходил для двоих. По краям росли раскидистые деревья мейхуа; аромат цветов смешивался с поднимающимся от воды паром. На зеркальной глади покачивались опавшие багряные лепестки. Мягкая подсветка на дне прорезала толщу воды, очерчивая контуры их обнаженных тел и превращая происходящее в завораживающее, чувственное зрелище.

«Мерзавец!» — мысленно выругался Морис, едва оказавшись в горячей воде.

Но его тело действовало вопреки воле разума: он крепко обхватил ногами бедра Хань Цзина. Не в силах больше сдерживать рвущуюся наружу страсть, он прерывисто дышал, подаваясь навстречу каждому движению и умоляя о большем без слов.

Ему отчаянно хотелось забыться, раствориться в этом безумии, но разум оставался кристально чистым. Почему в последнее время контроль не покидал его даже в моменты наивысшего наслаждения?..

Морис на миг отвлекся, но тут же вскрикнул от резкой вспышки удовольствия. Наконец-то он дождался желанного избавления. Спустя всего несколько мощных толчков волна оргазма накрыла его с головой; тело содрогнулось в конвульсиях, а пальцы мертвой хваткой впились в плечи Хань Цзина.

— А-ах... хн...

Морис чувствовал каждое движение внутри себя. Хань Цзин действовал целенаправленно, раз за разом задевая самые чувствительные точки, словно издеваясь над ним. Не в силах сдерживать тихие всхлипы, Морис впивался ногтями в его спину, оставляя глубокие царапины — немые свидетельства его сладостной пытки.

Плечи Хань Цзина горели от боли, но он ясно ощущал перемену в поведении любовника. Несмотря на силу страсти, Морис теперь пытался контролировать себя, лишая их близость прежней дикой откровенности.

Хань Цзин плавно замедлил темп. Его правая рука, которой он все это время поддерживал тяжелое тело генерала, затекла и отказывалась повиноваться даже в воде.

Это было похоже на то, как если бы мчащийся на полной скорости поезд резко затормозил перед самым обрывом. Морис нетерпеливо качнул бедрами, требуя продолжения, и уставился на Хань Цзина потемневшим от вождения, недовольным взглядом.

Прижимая к себе это разгоряченное тело, Хань Цзин невольно задумался о том, насколько чудовищное наследие Атлантиды довлеет над Морисом, заставляя его испытывать столь разрушительную страсть. Кажется, эта сила постепенно меняла и его самого.

— М-м...

Видя, что Хань Цзин медлит, Морис попытался двигаться самостоятельно, но его левая нога все еще лежала на плече партнера. Из-за выталкивающей силы воды он лишь беспомощно скользил, не получая желанного трения, что заставило его издать разочарованный вздох.

Хань Цзин тяжело перевел дух и бережно обнял Мориса за поясницу, успокаивая его.

— Давай сменим позу.

Морис удивленно моргнул, на миг возвращаясь в реальность.

— Прости, — неловко улыбнулся Хань Цзин. — Я устал держать тебя на весу, руки совсем онемели...

Морис внимательно посмотрел на него, и уголок его губ дрогнул в победной усмешке. Ни один мужчина не признается в подобной слабости добровольно. Услышав это признание, генерал почувствовал странное удовлетворение.

— Ах!..

Но торжествовать пришлось недолго: Хань Цзин резко переменил положение, заставив его судорожно выдохнуть.

Разгадав его нехитрый замысел, Хань Цзин крепко обхватил Мориса, усадил его на каменный уступ бассейна и, широко разведя его бедра, вошел одним мощным движением на всю глубину. Морис задохнулся от хлынувшей волны наслаждения. Острое, почти болезненное чувство пронзило все его существо; он попытался отстраниться, инстинктивно ища спасения от этой безумной лавины ощущений.

Но Хань Цзин железной хваткой удерживал его за талию. Словно наказывая за строптивость, он методично и глубоко толкался в самые уязвимые точки, доводя Мориса до исступления, и сбавил натиск лишь тогда, когда тело генерала задрожало в мелкой судороге.

«Что он творит?!» — в ярости подумал Морис, чувствуя, как его в очередной раз лишают долгожданной разрядки у самого пика.

Он хотел было высказать все этому негодяю, но его губы тут же накрыл нежный, настойчивый поцелуй.

— Я действительно на пределе... — прошептал Хань Цзин, переплетая свои пальцы с его. — Давай закончим вместе, хорошо?

Он сознательно уступал, действуя мягкостью там, где бессилён напор, шаг за шагом покоряя эту неприступную гордость и заставляя Мориса принять его без остатка.

Морис замер на мгновение, после чего подался вперед и сам вовлек его в глубокий поцелуй, прижимаясь всем телом к теплой груди Хань Цзина.

Их поцелуй становился все горячее. Сплетясь телами на каменных ступенях термального источника, они казались единым целым. Морис тихо стонал, хмурясь от накатывающих волн удовольствия, но впервые за долгое время он ощутил глубокое умиротворение. Беспокойство ушло — осталась лишь надежная опора чужих рук и обжигающее тепло, проникающее под самую кожу.

<http://bllate.org/book/19677/2006430>